Текст · 11 июня 2026, 09:10
Иван Асташин,

«У меня статья — уже косяк». Попавших в колонию из «крытки» политзеков месяцами держат в тесных, холодных и темных камерах

С 2025 года в колонии по всей России начали прибывать политические заключенные, арестованные после вторжения в Украину и отбывавшие первую часть срока в тюрьмах («крытках»). Но вместо более легких условий их там ждут недели и месяцы в тесных камерах, где запрещены свидания и телефонные звонки. Это касается в первую очередь осужденных по статьям о «терроризме» и «госизмене», а также граждан Украины — сотрудники ФСИН намекают на негласное требование усложнять жизнь «врагам народа».

«Два дня в карантине, три недели в ШИЗО», — писал Игорь Паскарь о том, как его встретила ИК-2 в Асино Томской области. В ноябре 2025 года его этапировали туда из Енисейской тюрьмы, где он отбывал первые годы срока по делу о двух антивоенных акциях — поджоге Z-баннера и броске бутылки с зажигательной смесью в каменное крыльцо управления ФСБ в Краснодаре.

Тюрьма — самый строгий вид исправительных учреждений, где заключенных постоянно держат в камерах. С переводом в колонию условия должны стать мягче, но с политическими этого не происходит. Как выяснила «Медиазона», в колонии их сначала ждут сроки в штрафном изоляторе (ШИЗО) — небольшом бетонном мешке. Потом —

в помещении камерного типа (ПКТ), где условия не сильно легче. После этого может быть перевод в единое помещение камерного типа (ЕПКТ) с еще более строгой изоляцией. И, наконец, возвращение обратно в «крытку» — на самые жесткие тюремные условия.

49-летнего Паскаря почти сразу отправили в ШИЗО за отказ от зарядки, потом продлили срок за то, что он лег на лавку, а после трех взысканий признали «злостным нарушителем» и перевели на полгода в ПКТ.

«Говорили, после изолятора мне прямая дорога в СУС-[1], но теперь, как оказалось, его еще заслужить надо примерным поведением (и беспримерным подвигом, что ли, еще), — писал об этом Паскарь. — В общем, пока меня отправили в ПКТ — что-то среднее между ШИЗО и крытой. <ÿ.ÿ Сказали, в ПКТ мне дали срок в полгода, если косяков не будет, то СУС. Про себя думаю, у меня статья — уже косяк».

Паскарь — один из первых политзаключенных, кто был осужден после вторжения в Украину, провел часть срока в тюрьме и после этого его перевезли в колонию. Дело в том, что по закону мужчины, осужденные по ряду «террористических» статей, должны первую часть срока находиться в тюрьме.

Сейчас в каждой из семи российских «крытых»[2], как заключенные называют тюрьмы, содержатся десятки политзаключенных — по подсчетам «Мемориала», за четыре года войны статья о «террористическом акте» наряду со статьей о «госизмене» стали самыми частыми в политических делах.

В то же время, что и Паскарь, в колонию прибыл и 37-летний Вячеслав Лутор — экс-сотрудник банка из Петербурга, получивший 10 лет по делу о переписке с легионом «Свобода России». Из тюрьмы в Ельце Лутора этапировали в ИК-6 в Липецке — в 3500 км от колонии Паскаря. Но и Лутора в колонии раз за разом отправляли в ШИЗО, признали «злостным нарушителем режима» и перевели в ПКТ на полгода.

Тот же путь сейчас проходят и другие политические, осужденные после вторжения в Украину, которые только в 2025 году начали прибывать из тюрем в колонии по всей России.

Круг первый. ШИЗО: пытка холодом и скукой в каменном мешке

Игорь Паскарь оказался в ШИЗО на третий день после прибытия в колонию. Поводом стал отказ выполнять зарядку. Сам он объяснял, что в карантине другие заключенные сказали ему: зарядку можно не делать. «Я решил не выделяться среди осужденных и тоже не делать зарядку», — рассказывал Паскарь. Взыскание за это получил только он один.

Первый срок в ШИЗО составил 7 суток. После него Паскарю назначили еще 7 суток — за то, что лежал

на лавке. По его словам, в Енисейской тюрьме в таких случаях сначала предупреждали, что нужно встать, и только за игнорирование требования могли наказать. В колонии никакого предупреждения не было. Третий срок — еще 5 суток — дали за то, что он прилег на скамейку уже в камере ШИЗО. За все это Паскаря признали «злостным нарушителем режима» и перевели в ПКТ на полгода.

Если в обычных условиях в колонии заключенные живут в отрядах, расположенных в зданиях, похожих на казармы или общежития, и могут свободно перемещаться в дневное время, то ШИЗО — это камеры. Причем норма площади там вдвое ниже, чем в СИЗО: не четыре квадратных метра на человека, а всего два. В ШИЗО запрещены свидания, телефонные разговоры, покупка продуктов и получение посылок. Прогулка по дворику с высокими бетонными или металлическими стенами и решеткой над головой — один час в день.

У заключенных забирают почти все вещи, выдают специальную робу с надписью «ШИЗО», из разрешенного остаются только зубная щетка, паста и книга. Днем койку поднимают, сидеть можно на привинченной к полу лавке за привинченным к полу столом. Нередко это камеры в полуподвале, где почти нет солнечного света, а внутри горит тусклая лампа.

«Чувствовалось, что у тебя портится зрение от этого освещения. Для некоторых 10 суток ШИЗО — просто смена обстановки, грубо говоря, но когда это дольше 15 суток — это уже пытка и потеря здоровья», — вспоминает художник-акционист и бывший политзаключенный Павел Крисевич. Он

за весь срок попадал в ШИЗО в ИК-5 в поселке Металлострой только раз — на четверо суток.

Осужденный по «делу Сети» Виктор Филинков провел в ШИЗО больше 200 дней, почти все это время он был в камере один. Самым тяжелым, по его словам, была не сама по себе изоляция, а невозможность чем-то занять время. «В самом ШИЗО меня больше всего напрягало отсутствие возможности учиться, писать письма и получать письма», — вспоминает он.

По правилам внутреннего распорядка письменные принадлежности заключенных в ШИЗО хранятся у младшего инспектора и выдаются только на время написания писем — «в соответствии с распорядком дня», который устанавливает администрация колонии. В ИК-1 Оренбурга, где сидел Филинков, это означало примерно один час вечером — и то не всегда: «Этот час — это буквально разложить письма на столе. Если читать — я за час читаю 20-30 страниц. То есть приходится выбирать: либо читать, либо писать».

Один час на письма, один час на прогулку, 8 часов на сон — еще 14 часов в камере оставались свободными. Их приходилось заполнять чем угодно: физическими упражнениями, попытками дремать, медитацией или мысленными упражнениями вроде повторения английских слов. Отдельная проблема: холод, недосып и слабость. Днем спать в ШИЗО нельзя, а ночью сна, по словам Филинкова, все равно не хватало. Когда в камере становилось холодно, приходилось постоянно двигаться — отжиматься, приседать, делать подъемы на носки, — даже если на это уже почти не оставалось сил.

Особенно тяжело в ШИЗО курильщикам. В колониях курение обычно разрешено в специально отведенных местах, но в штрафном изоляторе курить нельзя ни в камере, ни на прогулке. Для людей, привыкших курить по несколько раз в день, это становится еще одним вариантом физического и психологического давления.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

После прибытия из тюрем такое давлении в колониях самых разных регионов ждало и других фигурантов политических дел по статьям о «терроризме» и «госизмене» (а также украинских военнопленных, осужденных российскими судами). С этим столкнулись, к примеру:

- Владимир Сергеев (8 лет за идею поджечь автозак в знак протеста против войны) — он писал из омской

ИК-6, куда попал после «крытой», что провел в ШИЗО три месяца подряд

- Дмитрий Лямин (8 лет за обгоревшее окно военкомата) — он больше 70 суток провел в ШИЗО в ИК-1 Костромы
- Иван Кудряшов (4 года 10 месяцев за разговор о поджоге военкомата) — в мае он писал[3] из тверской ИК-1, что находится в ШИЗО уже пять месяцев
- крымчанин Денис Нарольский (18 лет за побег после мобилизации и переписки с украинцами) — он непрерывно содержится в ШИЗО ИК-4 в Томске и июня 2025-го. В той же колонии после прибытия из тюрьмы надолго попали в ШИЗО и Данил Мухаметов, и Георгий Камлаш
- И многие другие — помимо перечисленных, подобные случаи известны в колониях Рязанской, Тверской, Кировской, Оренбургской, Новосибирской, Кемеровской, Иркутской областях и ЯНАО

И не только политзаключенные россияне, но и украинские военнопленные[4], осужденные судами в России. Например, взятый в плен в Мариуполе капитан ВСУ Глеб Петрук[5] в письме из красноярской ИК-31 рассказывал, что после недели в карантине он «заехал в ШИЗО за первое нарушение» и больше оттуда не выходил.

«Получается, все, в принципе, так, как мы и предполагали, в общую массу мне нежелательно, причина и так ясна», — писал он. По словам Петрука, в ШИЗО ему дважды в день на час выдавали книгу и письменные принадлежности, с подъема до отбоя в камере играла радиоточка, а курить было вовсе запрещено. В морозы до -34° во время прогулки

украинцу приходилось быстро ходить по дворику без остановки, «чтобы не околеть».

После нескольких водворений в ШИЗО администрация колонии получает право признать человека «злостным нарушителем режима». После этого он автоматически переводится на строгие условия содержания (СУС) — это отдельный отряд, изолированный от остальной части колонии. Там людям разрешено меньше посылок и свиданий, они могут тратить меньшие суммы на покупки в магазине.

Но на практике перед этим политзаключенные, которым тюремщики хотят максимально усложнить жизнь, часто проходят еще один круг изоляции — помещение камерного типа, или ПКТ. По тяжести эти условия не сильно отличаются от штрафного изолятора, а длиться могут значительно дольше.

Круг второй. ПКТ: тот же каменный мешок, но с тумбочкой

В середине декабря «злостного нарушителя» Паскаря перевели в ПКТ. Камеру он описывал как двухместную, но жил там один. Главное отличие этого места от штрафного изолятора — время наказания. Если в ШИЗО могут отправить максимум на 15 суток, то сюда — на срок до 6 месяцев.

На практике администрация колоний нередко разу назначает этот максимальный срок. Так произошло, и с Игорем Паскарем, и с Вячеславом Лутором: оба получили по полгода ПКТ вскоре после прибытия в колонию.

«В отличие от крытой, розетки и горячей воды нет, но плюс от кичи, что почище, побольше и книги на день не отбирают, — описывает Паскарь свою камеру. — Где-то вдалеке играет радио-музыкалка. Изоляция, как когда я с украинцами на подвале сидел в Ростове. Честно, уже привык».

Четыре месяца в ПКТ после череды ШИЗО, откуда он не выходил даже на полдня, получил и нижегородец Сергей Ганин (9 лет по делу об участии Добровольческом украинском корпусе). «Это все автоматически, не выходя из камеры, просто постановления приносят», — пишет он.

По закону у людей там есть право гулять полтора часа каждый день, раз в полгода получать одну посылку или передачу, а также — с разрешения администрации — одно краткосрочное свидание. Тратить на продукты и предметы первой необходимости в тюремной лавке они могут не больше 6500 рублей в месяц.

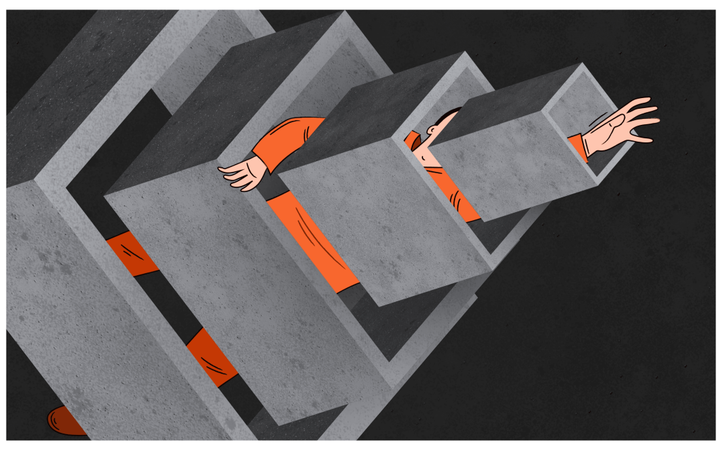

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Жизнь в помещении камерного типа мало отличается от штрафного изолятора. Это такие же камеры с минимальным набором «мебели». Заключенные часто говорят, что единственная заметная разница — наличие тумбочки.

Виктор Филинков из «дела Сети» рассказывает, что в его случае перевод в ПКТ поначалу вообще не сопровождался сменой камеры: его продолжали держать в штрафном изоляторе, просто просто поставив туда тумбочку. Об этом вспоминал и Сергей Ганин: «У меня камера одна, что ШИЗО, что ПКТ, только робу меняю с надписью на спине "ШИЗО" или "ПКТ"».

Условия там могут оказаться даже хуже, чем в тюрьмах, откуда эта волна политзеков приезжает в колонии. «Енисейская тюрьма покомфортнее будет. Там хоть горячая вода есть и чай можно себе сделать», — пишет Паскарь.

Бывший политзаключенный Иван Любшин говорит, что многое зависит от конкретной камеры и администрации колонии, но в любом случае человек почти все время проводит в замкнутом пространстве: «Это маленькая комнатка, и ты в ней живешь».

В этой комнатке формально разрешено больше, чем в ШИЗО: можно взять с собой книги, газеты или журналы, средства гигиены, комплект нательного

белья. Можно курить — но только во время прогулки. Письменные принадлежности, документы, сигареты, продукты, посуда и банные принадлежности должны храниться отдельно у сотрудников, их выдают только по просьбе заключенного и на строго ограниченное время.

Это касается и еды. В отличие от ШИЗО, заключенные в ПКТ могут покупать в тюремном магазине чай, кофе, сладости и другие продукты. Но хранить их в камере нельзя: все продукты должны находиться у сотрудников, получить их можно только на время приема пищи — и только по заявлению, написанному еще накануне.

Это превращает даже самые простые вещи в пытку бюрократической процедурой. «Я должен был вечером написать заявление: на завтрак — чай, на обед — то-то и то-то», — вспоминает Виктор Филинков. Сотрудники сначала отказались выполнять просьбы, ссылаясь на формальную процедуру рассмотрения заявлений — до 30 дней. Только после жалоб и споров администрация начала выдавать продукты хотя бы три раза в день.

Несколько месяцев в таких условиях — еще не конец. Следующий уровень давления: единые помещения камерного типа (ЕПКТ). Это уже отдельное учреждение со своим начальником и инфраструктурой, куда свозят «злостных нарушителей» из разных колоний — как правило, одно на целую область.

Круг третий. ЕПКТ: тюрьма в тюрьме

Пока нет информации о российских политзаключенных военного времени, которых уже отправили на этот «третий круг». Но подобные угрозы звучат — такой путь обещали, например, осужденному за поджог военкомата Дмитрию Лямину.

«В лагерь не поднимут, даже в СУС — чисто ШИЗО или ПКТ-БУР и ЕПКТ-Е[6], — пересказывал он в письме слова сотрудников колонии. — Соблюдай или не соблюдай режим — рапорта махом быстро напишут по моей статье, так держать будут». Он в ЕПКТ тоже не попал, но по другой причине: после 70 с лишним суток в штрафном изоляторе Лямина увезли из колонии в СИЗО по новому уголовному делу — он якобы склонял другого заключенного ко вступлению в ряды РДК или ЛСР.

Но в ЕКПТ уже отправляют граждан Украины, осужденных по «террористическим» и «шпионским» статьям (такие случаи уже известны по крайней мере в Иркутской области).

Среди политических заключенных в ЕПКТ все же оказался активист Михаил Кригер, осужденный на 7 лет за два поста в фейсбуке. По этим статьям не отправляют в «крытые», Кригер сразу попал в колонию общего режима. Он выбивается из логики, когда маршрут ШИЗО—ПКТ—ЕПКТ автоматически ждет тех, кто прибывает из «крытых». «Мемориал» сообщал, что в ЕПКТ Кригера отправили в «наказание» за голодовку.

Условия там по закону практически не отличаются от ПКТ: те же камеры с тумбочкой, то же право на ежедневную прогулку, ограниченные траты на продукты и предметы первой необходимости, редкие передачи и бандероли.

Главное отличие — срок. В камеру ЕПКТ человека можно отправить на срок до одного года.

Кроме того, ЕПКТ — это часто уже другое учреждение, заключенного туда этапируют из «своей» колонии, а значит, он сталкивается с новой тюремной администрацией и с новыми порядками и правилами. Виктор Филинков, которого в 2021 году отправляли в ЕПКТ при ИК-5 в Новотроицке, говорит, что именно это ощущалось как ключевая разница: «Это может быть другой лагерь. И там все может оказаться как значительно хуже, так и значительно лучше».

Филинкову повезло, и в его случае условия оказались легче, чем в колонии в Оренбурге. Но часто можно, наоборот, попасть в учреждение с еще более тяжелым режимом.

Самый известный пример — пыточное ЕПКТ-31 в Красноярском крае, куда свозили «злостных нарушителей» из разных колоний региона. Бывшие заключенные и адвокаты рассказывали о систематических избиениях, пытках водой, электрошокерами, которые происходили там с начала нулевых до, как минимум, 2020 года. Для заключенных перевод туда был настолько страшен, что некоторые пытались любой ценой его избежать, вскрывая себе вены и вгоняя в тело «штыри»[7].

Зачем это ФСИН. «Надо отчитаться, что контроль усиливают»

До недавнего времени такая практика только точечно применялась против тех, кто по какой-то причине не угодил администрации или подвергался давлению по распоряжению вышестоящих силовиков. Среди известных примеров: публицист Борис Стомахин, крымский анархист Евгений Каракашев, Виктор Филинков из «дела Сети», политики Владимир Кара-Мурза и Алексей Навальный. Для большинства политзаключенных, даже осужденных по особо тяжким статьям, это не было нормой.

Сейчас ситуация меняется. Эта схема давления уже последовательно применяется к осужденным по «террористическим» статьям, которых после нескольких лет тюрьмы перевозят в колонии. Сама статья обвинения воспринимается администрацией как основание для постоянного ужесточения условий содержания — вне зависимости от реальных действий политзека.

При этом люди, осужденные по тем же статьям в предыдущие годы, в основном продолжают жить в заключении на прежних условиях — новые практики применяются именно к политзекам военного времени, приговоренным после 24 февраля 2022 года.

И почти исключительно к мужчинам: среди женщин-[8] известны только отдельные случаи помещений в ШИЗО и ПКТ. Например, в таких условиях постоянно живет журналистка Ника Новак, осужденная за свою работу на проект «Радио Свобода» по статье о конфиденциальном сотрудничестве с иностранной организацией.

То же самое происходит и с гражданами Украины, осужденным по «террористическим», «шпионским» статьям или по обвинениям в военных преступлениях. Но связь с внешним миром у таких заключенных часто отсутствует: нет родственников в России, письма не доходят или писать их просто некому. В результате о происходящем с ними становится известно лишь эпизодически — например, из писем других заключенных или через правозащитников.

Остальные категории политзаключенных военного времени — осужденные, к примеру, по делам о «фейках», «дискредитации» или «оправдании терроризма» — как правило, пока не не сталкиваются с такой изоляцией (хотя и здесь были отдельные случаи).

Почему тюремщики по всей стране стали последовательно ухудшать условия именно новым

осужденным по статьям о «терроризме» и «госизмене», точно неясно. Ни официальных разъяснений, ни подтвержденных указаний на уровне центрального аппарата ФСИН нет.

Правозащитница Анна Каретникова, бывший ведущий аналитик УФСИН по Москве, допускает, что речь может идти не о прямом приказе бесконечно сажать людей в ШИЗО, а о распоряжении с более расплывчатой формулировкой: «усилить контроль» или «не допускать распространения террористической идеологии».

«А уже на селекторе[9] начальник может спросить какое-нибудь учреждение: сколько у тебя "террористов"? Все в ШИЗО побывали? Что-нибудь в этом духе. Надо же отчитаться, что контроль усиливают», — объясняет Каретникова.

По ее словам, практика может формироваться и горизонтально — через неформальное заимствование между колониями. «Один начальник спрашивает другого: "Что ты делаешь с "террористами"? Как усилился?" — "Я их всех изолировал". — "Класс! Тогда и я тоже так сделаю"», — описывает она возможную логику тюремщиков.

Изоляция становится универсальным инструментом: способом отчитаться об «усилении контроля» и одновременно формой давления, при которой сам факт приговора по определенным статьям воспринимается как достаточное основание для ужесточения условий содержания.

Редактор: Егор Сковорода

1. Строгие условия содержания — отдельный отряд, изолированный от остальной части колонии. Там людям разрешено меньше посылок и свиданий, они могут тратить меньшие суммы на покупки в магазине.
2. Они расположены во Владимире, Ельце (Липецкая область), Димитровграде (Ульяновская область), Енисейске и Минусинске (Красноярский край), Балашове (Саратовская область) и Верхнеуральске (Челябинская область).
3. В переписке с поддерживающими его активистами.
4. Информации о них пока значительно меньше: большинство осужденных украинцев все еще содержатся в тюрьмах, а не в колониях. А о тех, кого уже перевели, сведения доходят редко.
5. Суд в России приговорил его к 6 годам колонии общего режима по делу об «участии в террористическом сообществе» за службу в батальоне «Донбасс — Украина». По международному праву Петрук является военнопленным, однако российский суд фактически наказал его за сам факт службы в украинском подразделении.
6. БУР — это разговорное название ПКТ. ЕПКТ же в разговорах нередко называют «ешкой», а в переписке просто Е.
7. Штырями называют любые предметы, которые можно вонзить глубоко в тело — от больших иголок до гвоздей и заточенных ложек.
8. По закону женщин не могут переводить в ЕПКТ и тюрьмы, а срок содержания в ПКТ ограничен тремя месяцами. Но в женских колониях практически все работают на швейном производстве, а администрация рассматривает людей в первую очередь как рабочие единицы. В этих условиях изоляция чаще применяется точечно — например, против тех, кто отказывается работать.
9. Во время совещания между руководителями разных учреждений ФСИН.